

В дни Великой Отечественной войны и будто сама отечественная природа слышала воодушевленную песню; слышала радость – как весть о спасении человека. «Расцветали яблони и груши, Поплыли туманы над рекой. Выходила на берег Катюша, На высокий берег на крутой. Выходила, песню заводила Про степного сизого орла, Про того, которого любила, Про того, чьи письма берегла».

Яблони и груши, кажется, и не знали о войне. Во имя мира кто-то должен знать только о мире даже среди войны. И только таким знанием обладала природа – будто незрячая, слабо видящая, каким в конце жизни был и сам Михаил Исаковский.

Война шла в песне; потому праведно, победно шла. «Ой, туманы мои, растуманы, Ой, родные леса и луга! Уходили в поход партизаны, Уходили в поход на врага». Природа не знала о войне. Более того, было важно, чтобы природа и не узнала о кровопролитии: истина для стихии – в отсутствии войны. И потому даже на месте кровопролитных боев цвели цветы, шли свежие ливни, благоухали травы и туманы.

Партизаны были среди природы, не знающей о войне, партизаны были в глубине мирной природы. У такой природы они учились вечности, не боялись смерти. И песня эта безмятежно звучала – в 1942 году.

Стихия пела голосом Исаковского. Природа не переставала петь и во время войны. Исаковский, создавая свои стихотворения, не прерывает песню природы. И о войне он поет – вписывая свой голос в пение природы.

Туманы Исаковского – и сами как стихи. О чем эти туманы? О том, что никто не нарушит гармонии в природе, «разумной соразмерности начал», размеренности и постоянства мира.

Партизаны слились с туманами родных лесов и лугов. Они вписывали себя в родные туманы, естественно и органично вписывали. В туманах они шли на врага. И туманы тоже были партизанами, и вьюги партизанами были. Сливаясь с природой, эти люди и природу направляли на врага. А природа пела. И человеку в природе надо было петь даже на войне. Не только Исаковскому, но и Суркову («Бьется в тесной печурке огонь»), Симонову («Жди меня, и я вернусь»), Винокурову («В полях за Вислой сонной»).

Не природа сочувствует воинам; а воины в порыв природы вписывают свои чувства. Потому природа родины становится для них еще могущественнее и пронзительнее. «День и ночь партизанские вьюги Над разбойной гудят головой». Партизаны и сами породнились с вьюгами. А может, в трагический час особенно пронзительно обнаружили это вечное родство.

А в лесу прифронтовом «с берез неслышен, невесом, слетает желтый лист. Старинный вальс «Осенний сон» играет гармонист». Это – «священная война» во вдохновении поэтов вписывается в песню природы; и ничего в этой песне не меняет даже война. Исаковский, слыша это, тоже не выбивается из ритма великой отечественной песни природы, для которой нет разницы между временем войны и временем мира.

Кажется, на весь огромный мир звучит своевременная песня Исаковского: «Ой, туманы мои, растуманы, Ой, родные леса и луга!». Будто и нет никакой войны на свете. Но ведь и нет войны в природе; нет войны в туманах, ливнях, закатах. Они всегда в том времени,

где есть только мир. И поэт следует вселенской реальности стихии.

Потому: «На прощанье сказали герои: – Ожидайте хороших вестей. – И на старой смоленской дороге Повстречали незваных гостей. Повстречали – огнем угощали, Навсегда уложили в лесу За великие наши печали, За горячую нашу слезу». Поэт даже во время войны – в союзе с природой – чтобы вести были хорошими, добрыми, благими. Радость спасения – в природе. «Великие печали» человека вписаны в великую радость стихии.

Природу и в стихах Михаила Исаковского ограждает от войны «золотой век» русской поэзии – своей гармонией, вымоленной у самой стихии. Совершенством созвучий спасает «золотой век» природу от губельного несовершенства – разногласий стран и континентов, от мировой войны.

И войну в песне Исаковского стихия вписывала в себя – и война исчезала, вновь не сумев уничтожить мир, которым правила всемогущая стихия.

Камиль Тангалычев